

© 2009 г. Н.В. ВОСТРИКОВА

ЭКСПЕРИЕНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЙ

Данная работа посвящена дискурсивному поведению предложений с экспериментальным значением. Такие предложения интересны, в частности, тем, что их функционирование в дискурсе подчинено определенным закономерностям. Это ставит их в один ряд с такими языковыми единицами, как бытийные предложения, нарративные формы глагола, обстоятельственные предложения, модальные формы, т.е. с такими единицами, за которыми закреплена определенная позиция в структуре дискурса¹. Первая часть работы посвящена описанию типовых употреблений экспериментальных предложений в дискурсе на материале русского языка. Во второй части статьи будут рассмотрены языки со специализированными формами экспериментализма. Это аналитические конструкции с довольно прозрачной внутренней структурой, по которой можно восстановить исходную связь между формой и передаваемым ей смыслом². Будет показано, что форма экспериментализма в этих языках мотивирована дискурсивными функциями экспериментальных предложений.

1. ЭКСПЕРИЕНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Экспериментальные предложения (далее ЭП) описывают типовую ситуацию, участник которой характеризуется тем, что подобная ситуация хотя бы раз имела место в его жизни [Dahl 1985: 141; Bybee et al. 1994: 62; Плунгян 2001: 176]. Английский термин *the experiential* (от *experience* 'жизненный опыт') как раз отражает связь данного значения с понятием жизненного опыта.

- (1) «...а если открылась течь. Я читал, что бывают течи. Представьте себе, что открылась течь, и мы стали тонуть! Вам случалось тонуть, лейтенант?»
«Никогда, но акула меня кусала» (И. Бродский).

Дискурсивные особенности ЭП уже привлекали к себе внимание исследователей. Дело в том, что экспериментальное значение – это частный случай широко обсуждаемого в аспектологической литературе общефактического значения НСВ. Контексты, рассматриваемые в этой работе, совпадают с теми, которые Е.В. Падучева называет общефактическим экзистенциальным употреблением НСВ [Падучева 1996: 43–52], а А. Гренн экспериментальной (*experiential*) разновидностью НСВ [Grønn 2004]. Среди

¹ Так, бытийные предложения часто выступают в интродуктивной функции [Givón 1990: 741–748]. Обстоятельственным предложениям свойственно передавать фоновую, не основную информацию. Нарративные формы глаголов в тех языках, где они есть, напротив, используются для передачи основной сюжетной линии.

² Возможность и целесообразность такой реконструкции определяется постулатом об исходной мотивированности языковой формы: «в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она “отражает” стоящую за ней, когнитивную структуру» ([Кибрик А.Е. 2003: 46], см. также [Кибрик А.Е. 1992: 25]). Данный постулат не утверждает, что «отражение» является одно-однозначным отношением, он лишь говорит, что «языковая форма в норме неразличима к означиваемой ею когнитивной структуре» [Кибрик А.Е. 2003: 46].

многочисленных факторов, выявленных в связи с изучением конкуренции видов в русском языке, есть и дискурсивные факторы. Например, в [Хонг 2003] отмечается, что высказывания с НСВ часто имеют функцию так называемого субтопика; в рассматриваемой работе под субтопиком понимается высказывание (или глагольная предикация), «которое имеет более низкую иерархию в плане информационного статуса по отношению к другому высказыванию (или глагольной предикации) данного дискурса, функционирующему в качестве главного сообщения или главного дискурсивного топика <...>» [Там же: 226]³. Е.В. Падучева предлагает связывать это свойство НСВ с понятием факта. Фактивная семантика формы НСВ общефактического «предопределяет структуру связей, в которые входит эта форма в тексте: эти связи носят каузальный характер. Типичная структура рассуждения с НСВ общефактическим такова: ‘Я знаю этот факт, и это дает мне основание сделать заключение о том, что должен иметь место другой факт’» [Падучева 1996: 64]. Сходные рассуждения приводятся в статье И.Б. Шатуновского: «<...> высказывание с ОФ [НСВ общефактический. – Н.В.] может служить опорной точкой для восстановления (в мысли) компрессированного звена по принципу: раз есть несамостоятельный ОФ, то должно быть нечто с ним логически связанное. При этом главным в блоке, тем, ради чего все это говорится, является именно имплицированное звено. Например: *Хотите борща? – Спасибо, я уже обедал* – косвенный компрессивный отказ: ‘я отказываюсь, потому что я уже обедал’ (с подразумевающимся общим суждением: люди обедают один раз в день)» [Шатуновский 2004: 374].

Итак, как было отмечено в литературе по общефактическому НСВ, высказывания с таким значением дискурсивно несамостоятельны: как правило, они подразумевают связи с другими частями дискурса. В данной статье это утверждение будет проверено на основе корпусного исследования, а также будет предложена более детальная классификация употреблений ЭП.

1.1. Экспериментивные предложения в русском языке: сбор материала

Выделение ЭП в качестве особого объекта для исследования не случайно. Известны языки⁴, в которых в составе таких предложений используется специализированная глагольная форма или конструкция; для таких языков правомерно говорить об экспериментиве как о грамматической категории. Если же в языке нет категории экспериментива, то все равно существует возможность передать данный смысл. Причем репертуар языковых средств, используемых в ЭП, ограничен: в частности, если в языке есть несколько глагольных форм для обозначения референции к прошлому, то не любая из них может быть использована в интересующих нас контекстах. Например, в языке коми требуется форма с итеративным суффиксом, обычная форма прошедшего времени без такого суффикса будет неграмматичной, см. (2).

- (2) Te kor-kə uš'-l-i-n (*uš'-i-n) kojməd etaž-š'an'?
ты когда-COND падать-ITER-PST-2 (падать-PST-2) третий этаж-AVL
Ты когда-нибудь падал с третьего этажа?

³ Продемонстрировать это можно на примере, разбираемом в этой работе. Так, в следующем отрывке первое высказывание – это, с точки зрения Т.-Г. Хонга, всего лишь прием, способствующий более плавному переходу к главной цели дискурса, которая заключается в том, чтобы узнать номер телефона справочного бюро.

А: Саша, ты заказывал железнодорожные билеты по телефону?

Б: Да, заказывал, а что?

А: У тебя не сохранился номер телефона? Мне надо заказать билеты [Хонг 2003: 319].

⁴ Среди этих языков: корейский, японский, татарский, якутский < АЛТАЙСКИЕ, индонезийский, сунданский, яванский < АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ, агульский, даргинский < НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ, исекири, сото < НИГЕР-КОНГО, китайский < СИНО-ТИБЕТСКИЕ, ряд тайских языков, ненецкий, удмуртский < УРАЛЬСКИЕ. Список языков дается по работам [Dahl 1985; Вострикова 2005].

В русском языке самым нейтральным и распространенным средством, используемым в экспериентивных контекстах, является прошедшее время НСВ: ср. (3), где употребление СВ невозможно.

(3) *Не знаю, я никогда не **пробовала**_{НСВ} // ***попробовала**_{СВ} это делать* (С. Данилова)⁵.

Кроме того, в русском языке есть еще одна возможность выразить экспериентивное значение – конструкции с глаголами *приходиться, доводиться, случаться*.

(4) *Кому не **приходилось** простужаться на юге, тому этого не объяснишь* (А. Битов).

(5) *Мне **доводилось** спать в гинекологическом кресле* (С. Довлатов).

(6) *Вам **случалось** переживать звездопад?* (Е. Маркова).

Упомянутые глаголы могут иметь и другие типы употреблений (*Он мне **приходится/доводится** дальним родственником*; модальные употребления глагола *приходиться; случаться* с моделью управления <с твор. п., им. п.>, <что/чтобы>⁶), экспериентивная семантика возможна только в составе конструкции <Дат. п. **приходилось/доводилось/случалось** Инф.>.

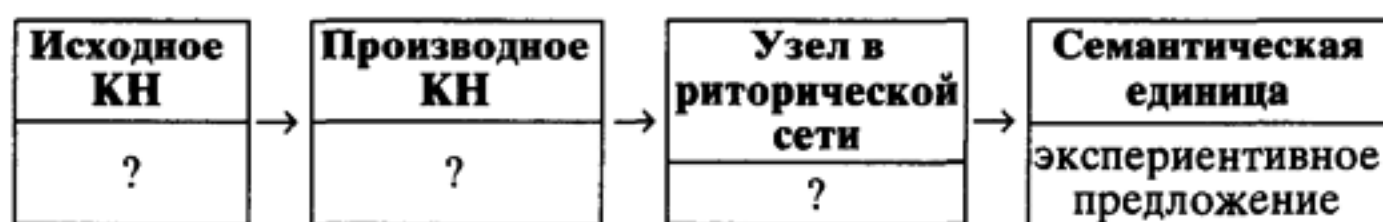
Таким образом, в русском языке ЭП могут иметь следующие формальные признаки: несовершенный вид глагола в форме прошедшего времени; вспомогательные глаголы *приходилось, доводилось, случалось*; обстоятельства времени, указывающие на временную неопределенность (*когда-либо, когда-нибудь, никогда, в своей жизни, как-то*). Эти формальные признаки использовались для задания запросов в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru), в поисковых системах Яндекс (www.yandex.ru) и Google (www.google.ru). Из выданных поисковыми системами результатов вручную отбирались контексты, содержащие ЭП. Часть примеров была получена с помощью эксперимента: носителям русского языка было предложено несколько фраз с экспериентивной семантикой, для каждой фразы нужно было составить естественный диалог. На основе полученного корпуса примеров (около 6000 словоупотреблений) была сделана классификация типичных употреблений ЭП.

1.2. Типовые употребления экспериентивных предложений: классификация контекстов

Основой для классификации употреблений ЭП стало коммуникативное намерение (КН) говорящего (пишущего). В рамках когнитивного подхода к анализу дискурса используется следующая четырехуровневая модель порождения дискурса: исходное КН говорящего → производное КН → узел в риторической сети → семантическая единица (подробнее в [Кибрик А.А. 2003]). Таким образом, в процессе порождения текста происходит три перехода от одного уровня к другому: исходное КН говорящего распадается на ряд производных КН, которые в свою очередь реализуются в виде некоторой иерархической структуры; каждый узел риторической структуры реализуется как набор семантических единиц (лексических или грамматических). В нашем случае данная блок-схема выглядит следующим образом:

⁵ Большинство литературных примеров и примеров из прессы получены из НКРЯ (www.ruscorpora.ru).

⁶ В случае употреблений глагола *случаться* с такой моделью управления [*С тобой такое случалось? Случалось, что потом и свадьбы не было: молодые не понравились друг другу* («Народное творчество», 2004); *Даже в войну не случалось, чтобы кого-то – даже ночью – обидели или ограбили* (А. Эппель)] экспериентивная интерпретация обусловлена несовершенным видом, а глагол *случаться* просто выступает в своем исходном лексическом значении.

На данном этапе коммуникативные намерения говорящего и место ЭП в риторической сети остаются неизвестными, но вопросы будут сняты в процессе анализа материала.

На основе корпуса примеров были выделены следующие типы употреблений ЭП:

Тип 1. *Кто не ругался со стационарными зрителями! Кто с ними не бранивался!* КН говорящего состоит в том, чтобы задать тему дискурса.

Данный тип употребления ЭП характерен для заголовков статей (7); тема для обсуждения на форумах в Интернете часто формулируется в виде вопроса об опыте участия в некоторой ситуации (8). В более общем случае, такие высказывания сигнализируют о начале дискурса на некоторую тему. Данный тип, как правило, реализуется либо в виде вопроса о наличии опыта (7), (8), либо в виде утверждения о том, что каждый или многие имеют некоторый опыт (9).

(7) {заголовок статьи} *Катались когда-нибудь на одноколесном мотоцикле? Есть шанс.*
 {начало статьи} *Чтобы кататься на такой штуковине, нужна изрядная смелость. Чтобы запустить ее в серийное производство – еще большая. И все же изобретатели очередного альтернативного транспортного средства надеются на появление инвесторов, которые помогут вывести их детище на очередной этап развития. Как только убедят всех, что одно двойное колесо лучше, чем два одинарных <...> (Интернет).*

(8) {пост в блоге} ТЕМА: *А вы когда-нибудь рыдали над книжкой?*
 СОДЕРЖАНИЕ: *Я – да. Это случается довольно редко, и если очень цепляет. Вот и сегодня зацепило... Порой у меня появляются мысли о том, что такие книги нужно запретить издавать. Слишком уж много «этого» в жизни, чтобы читать такое в книгах <...> (Интернет).*

(9) *Многим из вас приходилось видеть ракушки – домики моллюсков. Моллюски – одни из самых древних обитателей планеты. Появились они около 450–500 миллионов лет назад. Среди них есть крохи, размеры которых не превышают нескольких миллиметров, а есть и настоящие гиганты до 137 сантиметров длиной. Таков, например, двустворчатый моллюск тридакна («Мурзилка». № 1. 2003).*

Тип 2. *Плавали. Знаем.* Говорящий обосновывает некоторое свое утверждение, ссылаясь на наличие (10) или отсутствие опыта (11).

(10) {фрагмент диалога, сконструированного участником эксперимента}
 – *Моего знакомого недавно цопнул ротвейлер. Теперь ходит на уколы, 6 уколов и полгода не пить... Ничего, ему как раз полгода трезвости не повредит.*
 – *Как 6 уколов? 40!!!*
 – *Да нет же, мы вот недавно только от врача. 6 уколов.*
 – *Не надо только со мной спорить! Меня кусала собака.*

(11) *Но нигде я не видела «лучших директоров», как-то не доводилось сталкиваться. Поэтому на ваш вопрос: «Кто лучший директор? – отвечу. – Их нет».*

Тип 3. *Я по свету немало хаживал...* Автор объявляет себя специалистом в некоторой области, чтобы подчеркнуть уникальность некоторого факта или события.

(12) *Много видел я чудес на своем веку. Но то, с чем я столкнулся недавно, потрясло и удивило меня впервые* (Интернет).

Последние два типа похожи между собой тем, что роль ЭП состоит в том, чтобы придать больший вес последующим утверждениям автора.

Тип 4. *Вам случалось тонуть, капитан? – Никогда. Но акула меня кусала.* КН говорящего состоит в желании поговорить о жизненном опыте (в какой-то области или о жизни вообще) либо своем, либо собеседника.

Данный тип употребления ЭП характерен для диалогических ситуаций: интервью, повседневное общение.

Это не полный список типов употребления ЭП, но он содержит наиболее интересные для дискурсивного анализа случаи. За рамками рассмотрения осталось употребление ЭП в роли рестриктивных придаточных (13), поскольку такие придаточные обычно не выделяются в качестве элементарных дискурсивных единиц, что делает невозможным анализ их роли в структуре дискурса. Считается, что сфера действия рестриктивных относительных предложений ограничивается уровнем предложения. Также не рассматриваются случаи употребления экспериентивных предложений в составе условных придаточных (14). Дело в том, что ЭП используются только в так называемых генерических условных придаточных: в таких случаях говорящий делает некоторое утверждение о том, как устроен мир. Предложения с генерическим условием легко трансформируются в предложения с рестриктивным придаточным (14').

(13) *Тот, кому доводилось листать Ветхий Завет, должен помнить, что Голиафом звали великана, подстреленного из пращи Давидом – голым малым, знакомым нам по скульптуре Микеланджело* (Интернет).

(14) *Взрослому отсасывание яда требуется, если его раньше уже кусала змея* (Интернет).

(14') *Взрослому, которого раньше уже кусала змея, требуется отсасывания яда.*

Возможность употребления в составе таких придаточных является показательной, т.к. этот факт отражает презумтивную природу ЭП: это, как правило, та информация, которую говорящий и слушающий склонны считать истинной. На связь между рестриктивными относительными предложениями и пресуппозиции обращала внимание Е.В. Падучева в [1977], подробному исследованию этого явления посвящена работа Н.Б. Араловой [2006].

1.3. Экспериентивные предложения в структуре дискурса

Основная задача данной работы – выявление особенностей дискурсивного поведения ЭП. Поэтому необходим формализм, который позволит наглядно представить выявленные дискурсивные функции. Поскольку основная гипотеза состоит в том, что такие предложения имеют определенное место в структуре дискурса, то в качестве формализма было решено выбрать Теорию риторических структур ТРС (см. [Mann, Thompson 1987; Кибрик А.А. 2003; Литвиненко 2001; 2004]). Процедура анализа в рамках этой теории подразумевает несколько этапов: 1) разбиение текста на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ)⁷; 2) установление между полученными единицами риторических отношений⁸; 3) построение дерева, отражающего структуру исследуемого отрывка дискурса.

⁷ В качестве ЭДЕ выступает, как правило, клауза – элементарное предложение, состоящее из одной глагольной формы и одной или нескольких именных групп. Традиционно в качестве отдельных ЭДЕ не выделяются рестриктивные придаточные предложения и сентенциальные актанты.

⁸ Считается, что каждая ЭДЕ добавляет что-то для реализации коммуникативного намерения автора, отсюда термин «риторические».

Построим риторические деревья для выделенных типов употребления ЭП.

Тип 1 будет проиллюстрирован деревом для примера (9). Разбиение на ЭДЕ будет выглядеть следующим образом:

- (9') (i) *Многим из вас приходилось видеть ракушки – домики моллюсков.*
 (ii) *Моллюски – одни из самых древних обитателей планеты.*
 (iii) *Появились они около 450–500 миллионов лет назад.*
 (iv) *Среди них есть крохи, размеры которых не превышают нескольких миллиметров,*
 (v) *а есть и настоящие гиганты до 137 сантиметров длиной.*
 (vi) *Таков, например, двустворчатый моллюск тридакна.*

Второй этап анализа предполагает установление риторических отношений. Список этих отношений является открытым, но частота добавления новых отношений очень низкая. Описание наиболее частотных отношений изложено в [Mann, Thompson 1987], а также на сайте, посвященном Теории риторических структур (<http://www.sfu.ca/rst/index.html>). Отношения бывают двух основных типов: симметричные и асимметричные (одна из связанных асимметричным отношением единиц является главной, а вторая вспомогательной, периферийной; первую называют ядром, а вторую – сателлитом). К симметричным отношениям относятся, например, Конъюнкция (Joint), Последовательность (Sequence), Контраст (Contrast). Такие отношения связывают ДЕ, имеющие статус ядра. Список асимметричных отношений включает такие отношения, как Цель (Purpose), Условие (Condition), Уступка (Concession), Обоснование (Justify), Детализация (Elaboration), Волитивный результат (Volitional result), Неволитивный результат (Non-volitional) и др.

В данном отрывке (i) подготавливает читателя к восприятию последующей информации. В более поздних версиях ТРС было добавлено отношение Подготовка (Preparation). Сателлит в таком отношении предшествует ядру, и его функция состоит в том, чтобы у читателя появилась дополнительная мотивация к восприятию содержания ядра. Последующий текст распадается на две части: информация о возрасте моллюсков (ii)–(iii) и описание размеров (iv)–(vi). Эти части можно связать симметричным отношением Конъюнкция (Joint). В первой группе (iii) выступает в качестве обоснования для (ii). Во второй группе (iv) и (v)–(vi) связаны симметричным отношением Контраст (Contrast), (vi) связан с (v) отношением Детализация (Elaboration). Дерево для этого текста будет выглядеть следующим образом.

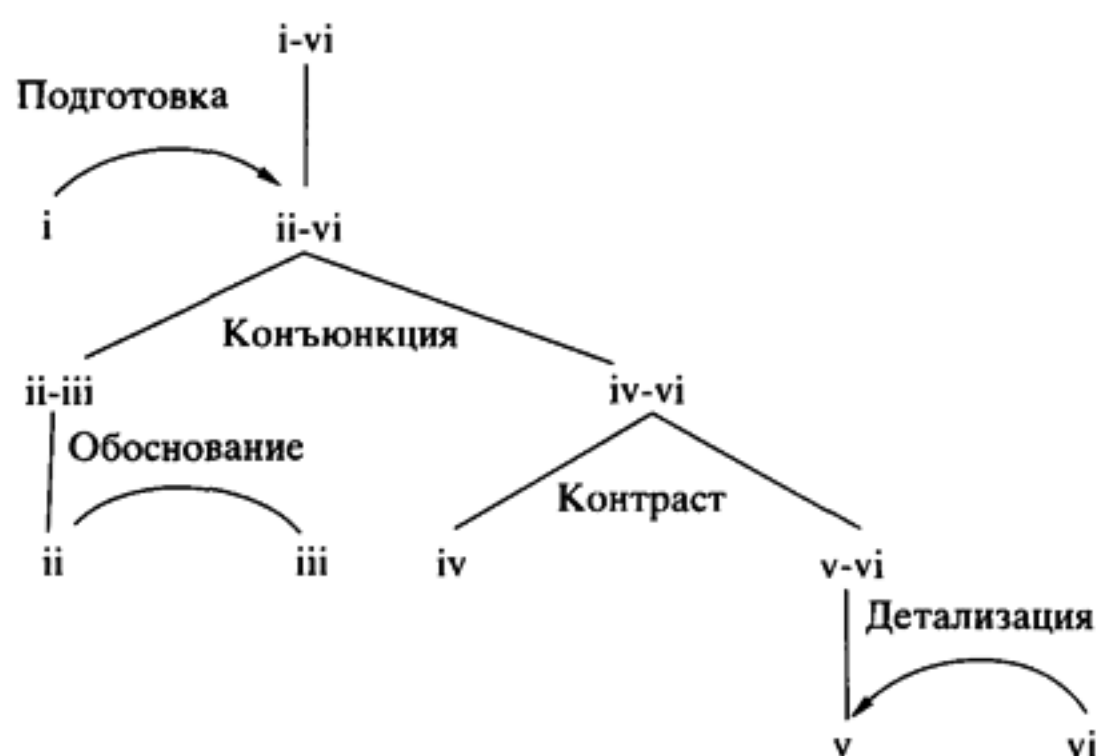

Рис. 1. Дерево риторических отношений для (9).

Таким образом, ЭП выступает в качестве сателлита по отношению ко всему тексту. У. Манн и М. Табоада (<http://www.sfu.ca/rst/index.html>) описывают такую связь с помощью отношения Подготовка (Preparation), в [Литвиненко 2001] предлагается отношение Заголовок.

В качестве примера дерева для типа 2 будет служить рис. 2. Для понимания роли ЭП в этом диалоге достаточно рассмотреть фрагмент диалога, состоящего из двух ЭДЕ.

- (10') (i) *Не надо только со мной спорить!*
(ii) *Меня кусала собака.*

Рис. 2. Дерево риторических отношений для фрагмента диалога (10).

Основная функция ЭП при данном типе употреблений состоит в том, чтобы убедить собеседника (читателя) в компетентности говорящего (автора) в некоторой области. Для описания такой связи ядра и сателлита лучше всего подходит отношение Обоснование, которому в [Mann, Thompson 1987] дается следующее определение: понимание сателлита усиливает готовность читателя принять право писателя делать утверждение, содержащееся в ядре.

Употребления типа 3 очень однородны по своей функции и внешней форме. Как правило, экспериентивное предложение содержит слова *много, немало* и т.п., а риторические отношения маркируются либо союзом *но*, либо уступительными союзами *хотя, несмотря на*. ЭП является сателлитом и связано со своим ядром отношением Уступка (Concession).

Построим дерево риторических отношений для (11). Разбиение на ЭДЕ будет выглядеть следующим образом:

- (11') (i) *Много видел я чудес на своем веку.*
(ii) *Но то, с чем я столкнулся недавно, потрясло*
(iii) *и удивило меня впервые.*

Рис. 3. Дерево риторических отношений для (11).

Тип 4 в явном виде характерен для диалогов. В ТРС диалоги анализируются как смена монологов, реплики же связываются отношениями Вопрос, Ответ, Согласие и т.п. (подробнее в [Литвиненко 2001]). Такой подход даст тривиальные результаты. Более

содержательные выводы можно сделать, построив интенционную модель глобальной структуры дискурса (см. [Кибрик А.А. 2003]). Не случайно, что именно для данного типа употребления ЭП приходится применять другой инструмент анализа, т.к. диалог – это особый тип дискурса.

Вопросы о жизненном опыте возникают в ситуации, когда говорящего интересуют некоторые аспекты жизни его собеседника. В зависимости от ситуации речевого акта и от намерений спрашивающего в ситуации диалога активирован некоторый базовый фрейм. Это может быть профессиональная деятельность собеседника, его политические взгляды, научные достижения и т.п. Так, в примере (1) активирован базовый фрейм⁹ «опасность на море». Этот фрейм подразумевает несколько слотов «тонуть», «быть укушенным акулой», «пережить бурю» и т.п. Собеседнику лейтенанта доступен слот «тонуть», т.к. только что шла речь о возможных течах. Выясняется, что данный слот не подходит, но т.к. базовый фрейм активирован, то в качестве ответа вполне допустимо предложить другой слот фрейма «опасность на море». В такого типа диалогах наиболее ярко проявляется семантика характеристики, которая так или иначе присуща ЭП. Задавая вопросы вида *Вы когда-нибудь делали X?* и получая на них ответы, участник речевого акта составляет определенное мнение о собеседнике. Таким образом, ЭП становятся основанием для дальнейших выводов о личности собеседника.

1.4. Экспериментивные предложения в структуре дискурса: выводы

Как показывает анализ, для ЭП характерно быть сателлитами. С одной стороны, это значит, что им свойственно передавать не основную, вспомогательную информацию. Так, процедура построения резюме (краткого содержания текста) в рамках ТРС – это удаление по определенным правилам некоторых сателлитов. Исследования показывают, что результирующий текст получается вполне связным и адекватно отражает содержание исходного текста. С другой стороны, сателлит – это неассертивная позиция, сюда, как правило, попадает не новая, уже известная участникам информация, либо та информация, которую участники речевого акта готовы воспринять как данное. Многими исследователями (например [Haiman 1978; Givón 1990; Lambrecht 1994: 67–70; Чумакина 2001]) отмечалось, что для ряда обстоятельственных¹⁰ придаточных, особенно тех, что находятся в препозиции к главному, характерно быть топиальными, т.е. передавать известную, фоновую информацию. Поясню, что имеется в виду. Говорящий (автор) использует ЭП не для того, чтобы сообщить адресату что-то новое; такие высказывания нужны для подготовки слушающего к восприятию основной информации (тип 1) или для обоснования последующих кусков дискурса (типы 2 и 3). Кроме того, ЭП часто используются для опосредованной характеристики, т.е. на основе предыдущего опыта субъекту приписываются определенные знания, навыки, свойства (тип 4). Таким образом, ЭП служат основанием для дальнейших выводов (*Вася играл с самим Каспаровым* → *Вася неплохой шахматист*), даже если они не эксплицируются в тексте. Замечу, что семантика характеристики не может возникать просто так. Предложение *Васе доводилось охотиться на бизонов на необитаемом острове на рассвете* будет иметь нужный эффект, в одном из следующих случаев: а) говорящий считает, что слушающему интересны аспекты охоты на бизонов на острове ранним утром (соответственно, Вася может дать эту информацию); б) говорящему из-

⁹ Я благодарна своему анонимному рецензенту, который обратил мое внимание на то, что в тексте И. Бродского, вероятно, содержится отсылка к известным строкам В.И. Лебедева-Кумача *Раз пятнадцать он тонул, погибал среди акул*. Это, однако, никак не противоречит предложенному нами анализу. Кроме того, и текст Лебедева-Кумача имеет ту же самую фреймовую структуру.

¹⁰ Список риторических отношений (Уступка, Причина, Условие, Цель и т.п.) не случайно напоминает список обстоятельственных предложений. Важная особенность состоит в том, что для ТРС не принципиально формальное выражение отношений.

вестно, что слушающий ищет человека, который бы смог заняться охотой на бизонов на рассвете. Таким образом, ситуация ‘охота на бизонов на (необитаемом) острове на рассвете’ и способность слушающего сделать нужные выводы из информации о том, что у кого-то есть опыт участия в подобной ситуации, относятся к фоновой информации. Фразовое ударение на глаголе, которому иногда приписывают новизну информации, относится не к пропозициональному содержанию высказывания, а к компоненту ‘имеет место’ [Падучева 1996: 32]. Не случайно в специализированных конструкциях эти два компонента выражаются на поверхностном уровне отдельно: значение ‘имеет место’ передается вспомогательными глаголами *приходилось, доводилось, случалось*, а пропозициональное содержание – инфинитивом с его зависимыми.

Схема, введенная в п. 1.2, будет выглядеть так, как это представлено в схеме 1'.

Схема 1'

2. ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЙ

В данной работе я исхожу из гипотезы о том, что дискурсивные функции ЭП более или менее универсальны. Это значит, что выявленные на материале русского языка закономерности функционирования ЭП верны и для других языков¹¹. В первой части работы было показано, что ЭП, как правило, имеют позицию сателлита в структуре дискурса, т.е. передают вспомогательную, фоновую информацию.

В этом разделе я предлагаю обратиться к материалу языков, которые имеют специализированную форму экспериментива. В подавляющем большинстве случаев это будет аналитическая конструкция с прозрачной внутренней структурой. Так, в ряде

¹¹ Данное утверждение не исключает возможности специфически языковых особенностей предложений с экспериментивной семантикой. Кроме того, частотность употребления разных типов может значительно различаться по языкам. Изучение свойств экспериментивных предложений на материале других языков и сопоставление полученных результатов могло бы стать интересной исследовательской задачей. Особый интерес представляют те языки, в которых имеется грамматикализованная форма экспериментива.

уральских и алтайских языков форма экспериентива имеет ту же структуру, что и бытийное предложение. В агульском и даргинском языках форма экспериентива представляет собой грамматикализацию особой коммуникативной структуры – фокус на уже актуализированной информации. Предполагается, что форма экспериентива в таких случаях мотивирована дискурсивными функциями ЭП.

2.1. Экспериентив как бытийное предложение

Одной из наиболее распространенных конструкций, используемых для специализированного выражения экспериентивного значения, является бытийное предложение, т. е. форма экспериентива в языке повторяет структуру бытийного предложения в этом языке. Так обстоит дело в уральских (удмуртский, ненецкий) и алтайских языках (корейский, японский, татарский, якутский).

Я приведу пример из татарского языка. В остальных языках ситуация аналогична. Так, в татарском языке бытийное предложение имеет следующую структуру: GEN + N-POSS + БЫТИЙНАЯ СВЯЗКА (см. пример (15)).

- (15) Минем вакыт-ым юк.
я:GEN время-POSS1SG нет
У меня нет времени [Ганиев, Гаффарова 1996: 112].

В (15) обладатель маркируется генитивом, а обладаемое оформляется посессивным маркером. В утвердительных и вопросительных контекстах используется бытийная связка *бар* 'есть, имеется', а в отрицательных – *юк* 'нет, отсутствует'.

Конструкция с такой же структурой используется и для выражения экспериентивного значения. На месте N в схеме бытийных предложений в предложениях с экспериентивным значением используется отглагольное имя на *-ган* (см. пример (16)).

- (16) Аның ничектер эзерлә-гән-е бар.
он.GEN как-то готовить-NZR-POSS3SG есть
{ЛК: – Ты умеешь готовить пиццу? Мне рецепт нужен. – Спроси у моей сестры}. Она как-то ее готовила.

Таким образом, в предложениях с экспериентивом агенс, совпадающий с субъектом опыта, оформляется генитивом, глагол номинализуется и оформляется посессивным маркером, бытийная связка *бар* 'есть, имеется' делает предложение финитным, т.е. форма экспериентива в татарском имеет следующую структуру: GEN + VERB-NZR-POSS + БЫТИЙНАЯ СВЯЗКА, где NZR – суффикс номинализации. Так, мы видим, что структура формы экспериентива в татарском в точности повторяет структуру посессивных бытийных предложений.

Как было показано в первой части работы, ЭП, как правило, содержат информацию, которая важна не сама по себе, а как отправной пункт для дальнейших рассуждений. В таких случаях важно, чтобы эта информация воспринималась как данное: если с этой отправной точкой что-то не так, то это ставит под угрозу успех всей коммуникации. Поэтому говорящему важно «подавать» эту информацию как заранее истинную, так, чтобы у слушателя не было основания оценивать ее в терминах истина/ложь.

Теперь заметим, что в языках мира именно бытийные предложения часто являются «фундаментом», отправной точкой для последующего дискурса. Во-первых, именно оно наиболее часто употребляется в интродуктивной функции [Givón 1990: 741–748]: стандартное начало любой сказки – это бытийное предложение, которое вводит информацию о существовании важных для последующего дискурса референтов (*Жил был король*); если не принять эту информацию как не подлежащую сомнению, то последующий дискурс оказывается бессмысленным. Во-вторых, любое высказывание

имеет пресуппозицию о существовании упомянутых участников (*Приехала моя сестра* → пресуппозиция 'у меня есть сестра'), в то время как само бытийное предложения уже так не раскладывается. Таким образом, совпадение формы экспериентива и структуры бытийного предложения обосновывается, в частности, тем, что они имеют сходное функционирование в дискурсе.

2.2. Фокус на уже актуализированной информации

В агульском языке есть специализированная форма для выражения экспериентивного значения (17).

- (17) Wun maskawdi-? xu-f-e-wa?
ты Москва:OBL-IN быть.PF-ATR-COP-Q
Ты когда-нибудь бывал в Москве?

Данная форма состоит из атрибутивного причастия на -f и связки настоящего времени, которая следует за причастием. В агульском языке, как и в большинстве дагестанских языков, имеются сегментные средства для указания на то, что входит в ассертивную часть высказывания, а что является пресуппозицией. Кроме того, для маркирования коммуникативной структуры предложения используются грамматические средства, а именно связки, предикативные маркеры, формы глагола. В связи с этим те формы, которые с точки зрения языков европейского стандарта будут отнесены к финитным, представляют собой всего лишь грамматикализацию определенного типа коммуникативного членения (подробнее в [Kalinina, Sumbatova 2007]). Так, в агульском языке глагольная форма может состоять либо из атрибутивного причастия, как в (17), либо из деепричастия. Выбор между деепричастием и причастием определяется следующим правилом: если глагол передает новую информацию, то используется деепричастие, если информация уже известна участникам коммуникативного акта или подается как таковая, то используется атрибутивное причастие. Связка не всегда следует за глаголом. Ее функция состоит в маркировании ассертивной части высказывания. Поэтому она следует за глаголом, если он входит в ассерцию (в фокусе все предложение или только глагол), и клитизируется к одному из аргументов, если в фокусе один из участников ситуации. В последнем случае глагол всегда будет в форме причастия, т. к. подобная коммуникативная структура предполагает известность ситуации, описываемой глаголом (см. (18)).

- (18) Me k'ež lik'.i-f čuču e.
этот письмо писать.PF-ATR брат:ERG COP
Это (именно) БРАТ написал это письмо [Майсак, Мерданова 2002].

Предложение (18) может быть произнесено как ответ на вопрос *Кто написал письмо?*, т. е. сама ситуация находится в пресуппозиции, и это маркируется использованием причастной формы глагола, а в фокусе – сообщение о том, кто именно принял участие в уже известной ситуации.

Таким образом, в агульском (похожая ситуация в даргинском языке) форма экспериентива является результатом грамматикализации особой коммуникативной структуры. С одной стороны, позиция связки указывает на то, что глагол входит в состав коммуникативно значимой части высказывания. С другой стороны, сам глагол, употребленный с показателем атрибутива, оформлен как уже известная информация, как пресуппозиция (семантическая часть высказывания, которую, с точки зрения говорящего, слушающий готов принять как данное). Интересно отметить, что в агульском языке от основ несовершенного вида (экспериентив образуется от основ совершенного вида) образуется аналогичная по структуре форма (атрибутивное причастие плюс связка); она обозначает генерические ситуации [Мерданова 2004: 107–111]. высказы-

вания такого типа (законы природы, известные истины, нормы поведения) не предназначены для оценки с точки зрения ложь/истина, а служат лишь напоминанием об известных истинах.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе были проанализированы случаи употребления ЭП. Была показана дискурсивная несамостоятельность таких высказываний: во-первых, чаще всего они оказываются сателлитами и играют вспомогательную роль в структуре текста; во-вторых, ЭП присуща семантика характеристики и тем самым они служат основанием для дальнейших выводов, даже если они не эксплицируются в тексте. Из этого следует, что ЭП, как правило, передают такую информацию, которую слушающий готов воспринять как данную. Произнося ЭП, говорящий не преследует цели сообщить адресату что-то новое; такие высказывания нужны для обоснования других частей дискурса или для подготовки к восприятию другой информации. Во второй части работы был проанализирован материал языков, имеющих специализированную форму экспериентива. В обоих случаях это были конструкции с понятной внутренней структурой, по которой можно восстановить связь между формой и передаваемой ей смыслом и ее функциями. Есть основания предполагать, что форма экспериентива в этих языках мотивирована дискурсивными функциями ЭП. Так, в ряде языков экспериентив имеет структуру бытийного предложения, дискурсивные функции которого пересекаются с дискурсивными функциями ЭП. В некоторых дагестанских языках (агульском и даргинском) используется форма, возникшая в результате грамматикализации особой коммуникативной структуры – в фокусе уже актуализированная (известная) информация.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ДЕ – дискурсивная единица; КН – коммуникативное намерение; ЛК – левый (= предшествующий) контекст; НСВ – несовершенный вид; СВ – совершенный вид; ТРС – теория риторических структур; ЭДЕ – элементарная дискурсивная единица; ЭП – экспериентивное предложение, предложение с экспериентивной семантикой

1, 2, 3 в глоссах – 1, 2, 3 лицо; ABL – аблатив; ATR – атрибутив; COND – условная частица; COP – связка; ERG – эргатив; GEN – генитив; IN – локализация 'внутри ориентира'; ITER – итератив; NZR – номинализатор; OBL – косвенная основа; PF – перфектив, совершенный вид; POSS – посессивность; PST – прошедшее время; Q – маркер вопроса; SG – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аралова 2006 – Н.Б. Аралова. Рестрикция и пресуппозиция (корпусное исследование на материале придаточных определительных с союзным словом *который* в русском языке). Курсовая работа. М., 2006.
- Вострикова 2005 – Н.В. Вострикова. Типология средств выражения экспериентивного значения // Вторая конференция по типологии и грамматики для молодых исследователей. Материалы (Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.). СПб., 2005.
- Ганиев, Гаффарова 1996 – Ф.А. Ганиев, Ф.Ф. Гаффарова. Русско-татарский словарь. Казань, 1996.
- Кибрик А.А. 2003 – А.А. Кибрик. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Кибрик А.Е. 1992 – А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик А.Е. 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.

- Литвиненко 2001 – *А.О. Литвиненко*. Описание структуры дискурса в рамках теории Риторической структуры: применение на русском материале // Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Аксаково, 2001. Т. 1.
- Майсак, Мерданова 2002 – *Т.А. Майсак, С.Р. Мерданова*. Глагольная система хпукского говора агульского языка. Рукопись, 2002.
- Мерданова 2004 – *С.Р. Мерданова*. Морфология и грамматическая семантика агульского языка. М., 2004.
- Падучева 1977 – *Е.В. Падучева*. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Плунгян 2001 – *В.А. Плунгян*. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филол. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. I. 2-е изд. М., 2001.
- Хонг 2003 – *Тэк-Гю Хонг*. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М., 2003.
- Чумакина 2001 – *М.Э. Чумакина*. Когнитивная и формальная структура конструкций обусловленности. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Шатуновский 2004 – *И.Б. Шатуновский*. Общефактический НСВ: коммуникативные функции и референция // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Bybee et al. 1994 – *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Dahl 1985 – *Ö. Dahl*. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Givón 1990 – *T. Givón*. Syntax. A functional-typological introduction. V. 2. Amsterdam, 1990.
- Grønn 2004 – *A. Grønn*. The Semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective. PhD thesis. Oslo, 2004.
- Haiman 1978 – *J. Haiman*. Conditionals are topics // *Language*. V. 54. 1978. № 3.
- Kalinina, Sumbatova 2007 – *E. Kalinina, N. Sumbatova*. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Lambrecht 1994 – *K. Lambrecht*. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Mann, Thompson 1987 – *W. Mann, S.A. Thompson*. Rhetorical structure theory: a theory of text organization. Los Angeles, 1987.